

На рассвете, когда роса ещё не успела испариться, Ван Сюаньдао в своих кожаных туфлях уже прошагал по трём опавшим листьям гинкго, устлавшим каменную дорожку культурно-творческого парка. Резные узоры на оконных переплётках Западного флигеля отбрасывали в лучах утреннего солнца тень в форме иероглифа долголетия, а договор аренды, помеченный вчера кофейными пятнами, влажно прилип к рукописи Важнейших принципов питания.

Лу Яньцю, побрякивая латунной лейкой, неспешно вошла во двор, спугнув полосатую кошку, дремавшую под карнизом.

— Это дерево старше, чем сам город Ланьцзин, лет на двадцать, — старец погладил колонну веранды. — Когда даосский монастырь расширяли, монахи использовали плоды гинкго в своих лечебных рецептах.

Ван Сюаньдао поднял голову. Золотистая крона шумела на осеннем ветру, а шрам на одной из ветвей напоминал трещину на чайнике из исинской глины. В кармане завибрировал телефон — пришло тридцатисекундное голосовое сообщение от менеджера проекта: Управление по делам туризма требует превратить тысячелетнее дерево гинкго в цифровой NFT-экспонат...

— Послушай-ка это, — Лу Яньцю вдруг приложил стетоскоп к стволу. Из медной трубки донеслось едва уловимое движение соков. — Весной это звучит как горный ручей, а в разгар зимы — словно старый чай, стекающий по горлу.

Сообщение от Су Цзинхао прилетело, словно опавший лист гинкго в диалоговое окно: Доктор Чэнь изучил древние рецепты, листья гинкго в сочетании с семенами кассии отлично подходят для чая, улучшающего зрение. На прикрепленном фото она сравнивала график обжарки кофе с трактатом Бенцао ганму, а на стикере вырисовывала пером изящный изгиб листа.

В полдень в конференц-зале голографическая проекция дерева гинкго светилась неестественным синим цветом. Ван Сюаньдао перебирал чётки из туи, слушая, как технический отдел обсуждает блокчейн-сертификацию: Каждый цифровой листок позволит отследить данные о росте... Он внезапно поднялся:

— Предлагаю собирать настоящие опавшие листья для изготовления чайных пакетиков в качестве материального сувенира к AR-опыту.

Шариковая ручка менеджера проекта застучала по столу дробью:

— Инженер Ван, нам нужны технологические инновации, а не развитие торговли местными продуктами!

Поток воздуха из кондиционера разворошил рабочие документы, и Ван Сюаньдао мельком увидел среди них свой эскиз латте-арта с листом гинкго.

Сенсорные лампы на пожарной лестнице загорались одна за другой по мере его шагов. Ван Сюаньдао считал образцы листьев гинкго на ступенях — Су Цзинхао на прошлой неделе тайком подложила их ему в портфель, на каждом была указана дата сбора. Железная дверь на

крышу со скрипом отворилась. Треснувший исинский чайник всё так же стоял на кабельной катушке, а дождевая вода внутри отражала перевернутую крону дерева.

— Знает ли мой юный друг легенду о том, как древесину гинкго использовали для стропил? — голос старца Лу донёсся из-под тени дерева. Он растирал в каменной ступке ядра плодов гинкго. — Мастера Северной Сун делали из этого дерева кронштейны-доугуны, считалось, что они умиротворяют дом и питают жизненную энергию.

Телефон подал сигнал приложения для мониторинга здоровья: восемь часов без движения. Ван Сюаньдао разминал затекшую шею, наблюдая, как старец укладывает медовые плоды в керамическую банку:

— Ядра, собранные после дня осеннего равноденствия, с диким мёдом — лучшее средство для защиты печени и снятия похмелья.

Техническое совещание в сумерках превратилось в пытку. Ван Сюаньдао вписал в поле комментариев к коду: //Алгоритм генерации текстуры прожилок листа гинкго, но тут же стёр всё слово за словом. Линь Сусинь пододвинула ему термокружку; в остром аромате дудника и астрагала чувствовались нотки свежемолотого кофе:

— Брат Ван, не хочешь попробовать лечебный латте?

Трактат Дао Дэ Цзин в комнате отдыха переключался на крышку микроволновки и был раскрыт на шестьдесят четвёртой главе: Дерево, обхват которого превышает человеческий, вырастает из крошечного ростка. Ван Сюаньдао вывел молочной пеной на латте форму листа гинкго и сфотографировал, пока пена не осела. Менеджер проекта прошёл мимо с чашкой эспresso:

— Инженер Ван, вы в последнее время так увлеклись традиционной культурой?

Когда начался ливень, Ван Сюаньдао стоял под навесом Западного флигеля. Листья гинкго порхали в дождевой завесе, словно бабочки, и один из них прилип к остаткам таблички над дверью с надписью Врачевание во благо мира. Лу Яньцю принёс из дождя угольную печь:

— Хочешь попробовать обжарить зёрна по древнему методу?

Кофейные зёрна в железном котелке затрещали, смешиваясь с горьковатым ароматом плодов гинкго. Телефон на каменном столе завибрировал — пришло напоминание от банка о платеже по ипотеке. Ван Сюаньдао смотрел на крону гинкго сквозь пелену дождя и вдруг отчётливо увидел сухие стебли глицинии, переплетённые с ветвями — они были так похожи на его собственный профессиональный путь, в котором он запутался за эти годы. Су Цзинхао прислала эскиз: ручка кофейной чашки в форме ветви гинкго, а на дне выгравировано из Дао Дэ Цзин: Кто знает меру, тот не окажется в опасности.

В полночь в кабинете пахло туей. Ван Сюаньдао разложил на столе собранные за день листья гинкго, их прожилки под лампой казались чёткими, как кровеносные сосуды. Приложение для здоровья снова выдало предупреждение, но он лишь набросал к договору аренды дополнительное соглашение: Арендатор обязуется ежедневно убирать опавшие листья для

использования в общественных целях.

Когда на утреннем совещании включился проектор, на лацкане Ван Сюаньдао красовалась брошь в виде листа гинкго. Технический отдел демонстрировал эффекты частиц для цифровых листьев, и он внезапно поднял руку:

— Предлагаю установить в парке арт-объекты из настоящих листьев, чтобы посетители могли сканировать QR-коды и узнавать о том, как ухаживать за деревом.

В зале раздались редкие аплодисменты, а брови менеджера проекта сошлись на переносице в глубокую складку.

В обеденный перерыв под деревом гинкго собрались студенты-художники. Ван Сюаньдао пересчитывал папоротники, пробивающиеся у корней, и вдруг заметил на коре нечёткие символы. Присмотревшись, он разобрал: Посажено Сюаньцин-цзы в год У-суй. В тот момент, когда он наводил камеру телефона, пришло сообщение от Су Цзинхао: Нашла! Сюаньцин-цзы был даосским врачом периода Китайской Республики, автором Записей о правильном питании.

Линь Сусинь прибежала с ланч-боксом:

— Доктор Чэнь сказал, что поможет нам разработать оздоровительный комплекс на основе гинкго!

На её шарфе виднелись кофейная гуща и семена кассии, а в термосе плескался янтарный чай для глаз.

После работы ливень залил каменные плиты парка. Ван Сюаньдао стоял на веранде Западного флигеля, глядя, как листья гинкго закручиваются в лужах в узор Ба-гуа. Из дождевой завесы появился Лу Яньцю, с его плаща из пальмовых листьев стекала вода, пахнущая чаем:

— Это дерево видело междоусобные войны, пережило культурные потрясения, а теперь... — старец ссыпал обжаренные кофейные зёрна в глиняную банку, — ему пора увидеть, как живут люди в новой эпохе.

Когда пришло напоминание о платеже по ипотеке, Ван Сюаньдао как раз считал на калькуляторе: аренда за первый год была равна продаже всех акций метавселенной на его счету. Су Цзинхао протирала банку с кофейными зёрнами:

— Учитель перед закрытием своего дела сказал: Не дай аромату кофе проиграть запаху медных монет.

В ту ночь Ван Сюаньдао заламинировал опавшие листья гинкго, превратив их в закладки, и вложил в книгу Полное руководство по дегустации кофе, в главу о методах сухой обработки. Принтер выплюнул шаблон заявления об увольнении, монитор здоровья продолжал мигать тревожными значками, но он уже набрасывал в блокноте панораму барной стойки: круглая столешница из древесины гинкго, а в витрине — рукописи древних рецептов здоровья.

В три часа ночи в логе коммитов кода для проекта Пейзажи пяти гор_V2.3 в поле примечаний пряталась строчка стиха: Орлы пали, кровь ещё свежа, хлестну коня, развернись в пути — Ду Му, Стихи о гинкго. Камеры наблюдения в комнате отдыха показали, что ветер сдул Дао Дэ Цзин на эскизы, оставленные студентами, и рисунок гинкго закрыл иероглифы Небесного священного сосуда.

Когда дождь стих, Ван Сюаньдао обжаривал последнюю партию зёрен на угольной печи на крыше. Треснувший исинский чайник мягко сиял в утреннем свете, пар из его носика сливался с утренним туманом над кроной гинкго. На каменной скамье лежала записка, оставленная Лу Яньцю: Ключ от Западного флигеля в кассе чайной, арендную плату за первый квартал можно погасить рецептами лечебных блюд.

По пути на работу Ван Сюаньдао установил скан заявления об увольнении в качестве обоев на телефоне. На рекламных экранах в метро мелькал кричащий ролик про Оздоровительный центр метавселенной, но он смотрел лишь на своё отражение в стекле: в прожилках листа на броши гинкго прятался иероглиф Ци, выгравированный рукой Су Цзинхао.

<http://bllate.org/book/18481/1776492>